

ЧАСТЬ 3. ЕВРОПА И ПАРТНЕРЫ

© Лебедев С.В.¹, © Новик Н.Н.², © Суслов Д.В.³

Политика США в отношении Европы при второй администрации Дональда Трампа

Аннотация. Статья исследует экономическую логику внешней политики президента США Дональда Трампа и ее влияние на трансформацию трансатлантических отношений, систему коллективной безопасности и стратегическое позиционирование России в условиях коррекции глобальных приоритетов США. Авторы исходят из гипотезы, что внешнеполитический курс Д. Трампа представляет собой не отклонение от традиционной американской стратегии, а институционализированную форму «экономического реализма», в рамках которой международные институты и союзнические обязательства подчиняются национальным интересам и pragматичному перераспределению издержек.

¹ **Лебедев Сергей Владимирович** – кандидат политических наук, научный сотрудник, Институт мировой военной экономики и стратегии, Факультет мировой экономики и мировой политики, НИУ ВШЭ.

² **Новик Николай Николаевич** – кандидат экономических наук, доцент, Факультет мировой экономики и мировой политики, НИУ ВШЭ; доцент, Кафедра международного бизнеса, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации (nikolay.n.n@yandex.ru).

³ **Суслов Дмитрий Вячеславович** – заместитель директора, Центр комплексных европейских и международных исследований (ЦКЕМИ), Факультет мировой экономики и мировой политики, НИУ ВШЭ.

На основе анализа политических документов, высказываний и практических решений Д. Трампа в 2017–2025 гг. выявляется, что ключевыми элементами такого подхода стали: антикитайская повестка как системообразующий фактор американской внешней политики, требование финансового вовлечения союзников по НАТО в обеспечение деятельности блока, селективная поддержка Украины, а также использование тарифных, санкционных и регуляторных инструментов для достижения геоэкономических целей.

Отмечается, что подобная политика способствует размыванию классического «либерального международного порядка» и способствует формированию нового многополярного мира, основанного на глобальной конкуренции, где финансово-экономическое давление становится ключевым инструментом внешнеполитического воздействия.

В заключительной части статьи показано, что новая конфигурация трансатлантических отношений открывает для России новые возможности, но также подразумевает риски, требующие переоценки стратегических приоритетов. Предлагается концептуальная рамка «адаптивного сдерживания», включающая усиление ядерного потенциала, дипломатическую риторику дезакализации и работу с раздробленными политическими элитами «коллективного Запада».

Опираясь на эмпирический анализ международных событий и доктринальных источников, статья сочетает методологию неореализма и политической экономии.

Ключевые слова: Дональд Трамп, Европа, США, внешняя политика США, Украина, НАТО.

Дональд Трамп очевидно воспринимает политику сквозь призму экономических категорий и рассматривает политический мир в контексте таких понятий как конкурентоспособность, прибыль, сделки и т.п. Именно в таком ключе следует оценивать его действия и политическую риторику. Взятый Д. Трампом курс на демонтаж так называемого «либерального международного порядка» имеет под собой экономические основания: действующий президент США исходит из предположения, что данная политико-экономическая конфигурация, по сути, подрывает экономические позиции США и, как следствие, – американское внешнеполитическое могущество. Д. Трамп крайне скептично относится к идеи выстраивания эффективных альянсов и стремится к укреплению позиций США именно как государства, а не «лидера международного сообщества», поэтому ориентируется на заключение «сделок», которые принесут США осозаемую и быструю выгоду, исчисляемую

количественно. Соответственно, все инициативы, выгода которых ему не очевидна или представляется сомнительной, он воспринимает как балласт, от которого необходимо избавиться, – в частности, именно поэтому администрация Д. Трампа резко сократила зарубежную помощь и инициировала ликвидацию структур USAID – ключевого инструмента распространения либеральных идей за рубежом [Новик, Ройс, Амурская, 2025].

Важную роль в дискурсе сторонников Д. Трампа играет нарратив о западных государствах – союзниках США и их населении как о так называемых «безбилетниках» (*англ. free riders*). Как справедливо отмечает М.В. Братерский, «новые силы, которые ставят на первое место интересы своих государств, совершенно не готовы заботиться о десятках миллионов “попутчиков” и “безбилетников”. Эти силы, опирающиеся на консерватизм и национализм, противостоят другой западной идеологии, представленной европейским леволиберальным мейнстримом и Демократической партией США. Идеологический конфликт особенно четко проявился на Мюнхенской конференции по безопасности в 2025 г., когда вице-президент США Дж. Вэнс, представляющий консервативный лагерь, обрушился с критикой на новоназначенное либеральное руководство ЕС» [Братерский, 2025]. Ю.И. Надточей уточняет, что, несмотря на общий экономический дискурс повестки дня сторонников Трампа, в ней тем не менее сохраняется ценностный компонент, просто на первое место выходит не идея трансатлантической солидарности, а вопросы политической, культурной и религиозной идентичности [Надточей, 2025].

Ближний круг Д. Трампа (несмотря на перестановки) поддерживает его ключевые внешнеполитические приоритеты. В этот круг входят антикитайские ястребы и неоконсерваторы из Республиканской партии. К примеру, М. Рубио, получивший пост Госсекретаря США, считает, что «Коммунистическая партия Китая использует дипломатические и экономические рычаги – такие как Панамский канал – для противостояния США и превращения суверенных государств в вассалов» [Rubio, 2025]. М. Уолтц, занимавший пост советника Д. Трампа по национальной безопасности до мая 2025 г. и позже получивший место постоянного представителя США в ООН, высказывался не менее однозначно – руководство Китая «начало с нами холодную войну, стремится победить нас и вытеснить с рынков» (цит. по: [Thompson, 2024]).

Интересно отметить, что антикитайская риторика ближайшего окружения Д. Трампа также имеет «экономизаторский» характер («экономические рычаги», «вытеснить с рынка»), – и это показывает, что США видят в Китайской Народной Республике не СССР-2.0 (т.е. военного, геополитического соперника), а государство, способное подорвать не только геополитическое, но и экономическое могущество США. На доктринальном уровне эта антикитайская позиция была оформлена еще в первый срок президентства Д. Трампа в документе, известном как «Контуры стратегии США для Индо-Тихоокеанского региона», в котором утверждалось, что США должны стремиться к тому, чтобы снизить экономическую зависимость стран Индо-Тихоокеанского региона (ИТР) от КНР, для чего, в числе прочего, должны продвигать альтернативы китайскому проекту «Один пояс и один путь» [US strategic framework ... , 2021].

Иными словами, нынешней администрацией Белого дома движет четкое осознание того, что в настоящее время именно КНР является основным вызовом для США. Поэтому США должны сосредоточить основные силы на подготовке к конфликту с Китаем, а чтобы победить в этом конфликте – должны отказаться от конфронтации с другими великими державами, в том числе и с Россией, и укрепить позиции собственной экономики, в первую очередь – промышленности и ВПК.

Инструментально эта философия воплощается в следующих начинаниях администрации Д. Трампа:

- использование внешнеэкономических инструментов (тарифные войны, протекционизм, торговые сделки) для поддержания национальной промышленности, включая судостроение и ВПК;
- поддержка высокотехнологичных отраслей экономики США (в первую очередь – ИИ) и высокотехнологичных проектов в военной сфере;
- укрепление позиций США в Западном полушарии (давление на Канаду, внимание к Латинской Америке, риторика об установлении контроля над Гренландией);
- перевод конфронтации с Россией в холодную fazu, попытки завершить конфликт на Украине;
- попытка взять «стратегическую паузу» в конфронтации с Китаем, чтобы лучше подготовиться к столкновению в будущем.

Иными словами, действия администрации Д. Трампа неверно воспринимать как «изоляционизм» в чистом виде, когда страна

сосредотачивается исключительно на внутренних экономических и политических вопросах.

На страницах аналитических изданий неоднократно высказывалась мысль, что США на самом деле никогда не были «изоляционистской» державой в полном смысле этого слова и речь всегда шла скорее о крайне инструментальном понимании внешней политики как способа укрепления национальной экономики и обслуживания интересов национального бизнеса (к примеру, в XIX в. США фактически вынудили императорскую Японию открыть свои рынки, прислав к берегам островного государства военную эскадру). Подход администрации Д. Трампа («экономизация» внешнеполитических приоритетов) достаточно хорошо укладывается в рамки этой традиции [Ross, 2025].

На данный момент можно утверждать, что администрация Д. Трампа полностью отказалась от идеи «либерального международного порядка» [Assessing the impact ..., 2025]. Однако пока неясно, попытаются ли США остаться глобальным гегемоном (опираясь исключительно на собственную военную и экономическую мощь вместо сложной архитектуры международных институтов) или решат признать многополярность мир-системы и согласятся с ролью самого мощного игрока, признавая за другими великими державами (Россия, Китай) право преследовать собственные геополитические интересы и иметь собственные сферы влияния. Тем не менее оба эти сценария предполагают, что приоритетность Европы и Евросоюза для США радикально снижается. Администрация Д. Трампа воспринимает Европу как токсичный внешнеполитический актив и одновременно – как экономического конкурента, хотя и допускает, что европейские ресурсы могут быть использованы для роста и укрепления экономики США.

Политика администрации Д. Трампа в отношении Организации Североатлантического договора (НАТО)

В вопросах, касающихся политики безопасности в Европе, администрация Белого дома исходит из необходимости переложить основное бремя военных расходов непосредственно на европейские страны, о чем неоднократно говорил Д. Трамп. Следует подчеркнуть, что эти заявления (помимо их очевидной связи с изоляционистской внешнеполитической философией, доминировавшей в США до XX в.) достаточно тесно связаны с дискуссией

о так называемых «безбилетниках», ведущейся в американских политических кругах с 1970–1980-х годов. Исходный экономический концепт «безбилетник» (т.е. актор, пользующийся так называемыми «общественными благами» и не платящий за них) постепенно приобретал политическое звучание по мере того, как многие авторы стали все чаще обращать внимание на тот очевидный факт, что США фактически «платят за безопасность» своих союзников, практически ничего не получая взамен. К примеру, специалист по безопасности Л. Салливан-младший еще в 1985 г. отмечал, что США «предоставляют защиту определенному числу свободных, зрелых, самодостаточных государств в Европе и за ее пределами, совокупные активы которых значительно превышают американские» [Sullivan, 1985]. Аналогичные обвинения звучали и в адрес Японии, которая, как утверждалось, экономит на оборонных расходах за счет США и при этом захватывает все новые рынки сбыта, тем самым подрывая конкурентоспособность американской экономики.

Неслучайно, что подобные заявления совпали по времени с возникновением первых проблем, связанных с функционированием неолиберальной экономической модели, и появлением первых симптомов кризиса американской гегемонии. Другим рефреном в этой дискуссии была идея (изначально сформулированная историком-международником П. Кеннеди), что излишне активная внешняя политика может привести к внутреннему коллапсу государства (*англ. imperial overstretch*).

Иными словами, подход администрации Трампа к вопросам коллективной безопасности не является чем-то принципиально новым для американской политики, следует сказать, что именно нынешняя администрация сделала эти идеи краеугольным камнем своей повестки. Это доказывает и новая Стратегия национальной безопасности США, обнародованная 4 декабря 2025 г. В новой Стратегии можно отметить ряд положений, свидетельствующих о серьезном переосмыслении внешнеполитических доктринальных установок США, что особенно заметно по контрасту с предыдущей версией Стратегии (2022). В новой версии подчеркивается, что ранее «американские элиты совершили серьезные просчеты», делая «ошибочную и деструктивную ставку на глобализм». В числе прочего, отличительными чертами новой версии Стратегии являются пересмотр прежней ставки Вашингтона на гегемонию, а

также само признание деградации глобалистской модели [National security strategy … , 2025].

При этом было бы преждевременно утверждать, что администрация Трампа намерена полностью свернуть свое присутствие в Европе; скорее речь идет о том, чтобы сделать его менее обременительным для США при сохранении за ними «командных высот». Примером подобного подхода может быть широко освещавшийся в СМИ возврат американского тактического ядерного оружия в Великобританию, на авиабазу Лейкенхит [RAF Lakenheath … , 2025]. И хотя это решение было принято достаточно давно, в данном случае важен в первую очередь его коммуникативный посыл: США не уходят из Европы, а качественно меняют характер своего военного присутствия. Вопрос о том, имеет ли этот жест реальный стратегический смысл (с учетом наличия собственных ядерных арсеналов у Великобритании) или является способом «подсластить пилюлю», остается открытым.

Опыт Специальной военной операции РФ со всей очевидностью демонстрирует, что и в XXI в. решающее значение по-прежнему имеют конвенциональные силы, включая человеческий ресурс. Иными словами, сокращение численности американских военных в Европе означает в первую очередь, что европейским правительствам предстоит возвращаться к модели обязательной военной службы для граждан, т.е. принять решение, которое будет максимально непопулярным. К примеру, широко обсуждавшееся в западных СМИ социологическое исследование, проведенное институтом социальных исследований Forsa (*нем.* Forsa Gesellschaft für Sozialforschung und statistische Analysen mbH), продемонстрировало, что в Германии только 17% граждан готовы защищать страну с оружием в руках [Aloe, 2025]. Поэтому ФРГ постепенно возвращается к модели принудительного призыва, и – в случае продолжения тренда на сокращение реального присутствия США в Европе – к таким же мерам, скорее всего, будут вынуждены прибегнуть и иные правительства.

Однако на данный момент представляется, что большинство стран ЕС предпочли бы отсрочить подобный шаг, и, вероятно, именно с этим связана поразительная уступчивость европейских лидеров и декларированная готовность большинства стран НАТО повысить оборонные расходы до 5% от ВВП к 2035 г., как было заявлено по итогам саммита в Гааге [Defence expenditures … , 2025]. Вне зависимости от того, насколько эта задача выполнима в

указанный срок, очевидно, что рост оборонных расходов представляется европейским правительствам меньшим ударом по их популярности по сравнению с возвратом к принудительной военной службе.

Более того, рост военных расходов открывает окно возможностей для европейского ВПК. Политическое обязательство увеличить оборонные расходы привело к росту рыночной капитализации ключевых европейских компаний в данном сегменте, включая немецкий концерн «Rheinmetall» и итальянское оборонное предприятие «Fincantieri». Безусловно, значительная часть этого роста отражает не столько фундаментальные перспективы оборонной промышленности ЕС, сколько энтузиазм неквалифицированных инвесторов, однако тренд на усиление рыночных позиций данных компаний достаточно очевиден [European defence … , 2025].

Внешнеэкономическая политика администрации Трампа в отношении Европы

В последнее время замедление экономического роста в Европе становится все более заметным, а давление со стороны китайского экспорта становится все более интенсивным. Старый Свет отстает от США как в области «жесткой» силы (оборона и экономика), так и в области «мягкой» силы (способность распространять свои ценности за пределы границ). В 2024 г. ВВП США вырос на 2,8%, в еврозоне – всего на 0,7% [Lepartmentier, Charrel, 2025]. Средний показатель ВВП на душу населения в ЕС составил 40 060 евро, в то время как средний показатель по США равен 80 023 евро. Объем торговли товарами и услугами США с Европейским союзом в 2024 г. составил примерно 1,5 трлн долл., что на 5,7% (80 млрд долл.) больше, чем в 2023 г. При этом по товарам торговый дефицит США составляет почти 235 млрд долл., и подобная ситуация наблюдается уже достаточно давно [European Union trade … , 2025].

Выстраивание новой архитектуры отношений США и ЕС всегда было одним из ключевых вопросов повестки Д. Трампа. Однако только в июле 2025 г. было официально объявлено о заключении торговой сделки, в рамках которой ЕС обязался приобрести американские энергоносители на сумму 750 млрд долл., инвестировать 600 млрд долл. в экономику США и закупить «огромное количество» военной техники. Подобное «крупнейшее из всех»

соглашение, по словам главы Еврокомиссии У. фон дер Ляйен, поможет сбалансировать торговые отношения ЕС и США, позволит Европе отказаться от российских нефти и газа и избежать 30%-ных пошлин, обещанных Трампом ранее [Joint statement ... , 2025].

Европа испытывает существенные экономические трудности, связанные, в числе прочего, и с высокими ценами на энергоносители, которые (по понятным причинам) в ЕС выше, чем в США. Это преимущество американской экономики исключает возможность корректировки условий по импорту энергоресурсов. Согласованный объем закупки американских энергоносителей на 750 млрд долл. за три года – нереалистичная цифра. Для сравнения, в 2024 г. объем поставок энергоносителей из США в Европу составлял всего 75 млрд долл. Кроме того, Европа в определенной степени зависита от США и в финансовой сфере. Европейский Центральный банк на регулярной основе использует кредитные средства, предоставляемые Федеральной резервной системой США [Some European officials ... , 2025]. Без такой финансовой «подпитки» европейские экономики испытывали бы дополнительные сложности. В последнее время из-за экономических сложностей некоторые европейские компании уже начинают переносить производства в США.

Снижение американских пошлин до 15% (с ранее заявленных 30%) не выглядит однозначно выгодной договоренностью для ЕС. Уже в конце июля 2025 г. на официальном юридическом портале Министерства торговли США, с отсылкой к разделу 232 Закона о расширении торговли (1962), появились 407 дополнительных кодов из гармонизированного тарифного списка к перечню товаров, классифицирующихся как «производные стали или алюминия», на которые действуют пошлины до 50%. Изначально такие пошлины касались только поставок собственно стали и алюминия, а также таких деталей, как винты. Теперь же они распространяются на двигатели, насосы, станки, строительное оборудование и т.д., что составляет более 30% экспорта машин и оборудования из ЕС, – весьма существенный удар по экономике блока [Department of Commerce ... , 2025]. Д. Трамп обосновал такой шаг наличием угрозы для национальной безопасности: по его мнению, повышение ставок должно помочь американской металлургии, защитить ее от дешевого и избыточного импортного предложения.

Еще одной сферой «неформального» давления Д. Трампа на ЕС стало законодательство Евросоюза по климатическому и цифровому регулированию. В первом случае США желают добиться для себя особых условий в рамках механизма пограничной корректировки выбросов углерода, который вступит в силу в 2026 г. и будет представлять собой углеродный налог на товары, импортируемые в Евросоюз из тех стран, где выбросы вредных веществ выше, чем в ЕС. Во втором случае недовольство президента США вызывают Закон о цифровых услугах (англ. Digital Services Act, DSA) и Закон о цифровых рынках (англ. Digital Markets Act, DMA), направленные на ужесточение контроля над крупными технологическими компаниями, обеспечение прозрачности алгоритмов и борьбу с дезинформацией. Оба документа регулируют деятельность крупных цифровых платформ, уделяя основное внимание безопасности и поддержке рыночной конкуренции в ЕС.

По сведениям некоторых источников, администрация Д. Трампа рассматривает возможность ввести санкции против отдельных чиновников ЕС или стран – участниц блока, которые отвечают за исполнение законов, возлагающих на ИТ-компании из США, такие как Alphabet (владеет Google), Amazon, Apple и др., «неоправданные расходы» [Pamuk, 2025].

Подобная ситуация в стане «коллективного Запада», которая в итоге трансформируется в серию невыгодных для Брюсселя сделок, обусловлена экзистенциональной зависимостью ЕС от США как от гаранта всей системы безопасности Европейского региона. В сентябре 2025 г. глава Евросовета Антониу Кошта впервые открыто признал, что поддержка Украины со стороны США является частью сделки Евросоюза и США по тарифам, в рамках которой ЕС согласился платить США 15%-ные пошлины, отказавшись от любых ответных мер [Starcevic, 2025].

Некоторые западные аналитики предполагают, что на краткосрочную перспективу основной стратегией ЕС в отношении США будет демонстративное принятие предлагаемых «правил игры»; страны и институты ЕС будут пытаться «переждать» пребывание непредсказуемого 47-го президента США во главе Белого дома, рассчитывая на потенциальный приход президента-демократа или договороспособного президента-республиканца в будущем [Matthijs, Goodman, 2025].

Политика в отношении украинского конфликта и роль Европы

Одной из важнейших составляющих кризиса трансатлантических отношений и одновременно одним из его ключевых аспектов стала политика администрации Д. Трампа в отношении украинского конфликта, – политика, существенно отличающаяся от той, которую проводила администрация Байдена и которую продолжают проводить большинство стран ЕС.

В отличие от администрации Байдена, нынешнее руководство США исходит из понимания невозможности нанести России стратегическое поражение и прежде всего – военное поражение на поле боя. Это подтверждается практикой: несмотря на всю оказавшуюся Украине военную помощь с 2022 г., баланс сил на поле боя, а также баланс истощения складываются в пользу России как минимум с лета 2023 г., когда провалилось готовившееся при участии Запада контрнаступление ВСУ. Администрация Трампа исходит из того, что продолжение войны неизбежно приведет к военному поражению Украины, предотвратить которое можно будет только резкой эскалацией конфликта вплоть до прямого вступления НАТО в войну против РФ, на что Вашингтон (а также европейские страны – вопреки их риторике) пойти не готов.

В настоящее время Вашингтон рассматривает продолжение украинского конфликта как препятствие, мешающее реализовывать более приоритетные намерения, о которых говорилось выше, а именно – концентрировать ресурсы для противостояния с КНР и – в теории – постараться ослабить связку Москва – Пекин, создав внешнеполитическую и геоэкономическую альтернативу для России.

На политико-аксиологическом уровне администрация Трампа не считает Россию главной угрозой (каковой видится КНР) [Datta, 2025] и, напротив, усматривает в действиях российского руководства идеологические нарративы, схожие со своими собственными. Иными словами, нынешняя администрация Белого дома рассматривает Россию и ее руководство как идейно близких защитников традиционных ценностей, в то время как европейские элиты являются для администрации Трампа ценностно-идеологическими врагами. Более того, сотрудничество с Россией представляется нынешней вашингтонской администрацией не только вполне допустимым с

морально-ценостной точки зрения, но и полезным и желательным для реализации конкретных интересов США.

Наконец, стремясь сосредоточить американские силы и ресурсы на более приоритетных направлениях (борьба с Китаем, утверждение американского доминирования в Латинской Америке) и действуя в рамках идеи о том, что богатый Евросоюз паразитирует на США, получая от них «бесплатную безопасность» и выстраивая якобы дискриминационные для США торговые отношения, администрация Трампа объявила жизнеобеспечение Украины «европейским» делом, бремя которого должна нести Европа, а не США.

В результате уже в первые месяцы президентства Трампа его администрация резко изменила политику в отношении украинского конфликта.

Во-первых, она отказалась от попыток использовать украинский конфликт для нанесения России стратегического поражения, взяла курс на как можно более быстрое прекращение боевых действий – без однозначного поражения какой-либо из сторон – и стала оказывать соответствующее давление и на Украину, и на Россию.

Во-вторых, она перестала оказывать Украине материальную военную и экономическую помощь, сохранив лишь передачу разведданных ВСУ для нанесения ударов по линии фронта и в глубь России, и перешла к продажам вооружений для Украины через европейские страны.

В-третьих, она инициировала более конструктивный и деполитизированный диалог с Россией – как по украинскому конфликту, так и по более широкой повестке дня, отказавшись от политики «изоляции» РФ, проводившейся администрацией Байдена.

Все это стало серьезным вызовом и обернулось значительным разочарованием для Европы, особенно в сочетании с постоянно подчеркиваемым Вашингтоном ценностным размежеванием нового руководства США с большинством европейских элит, а также откровенно недружественной политикой по отношению к ЕС в экономической сфере и восприятием ЕС в большей степени как экономического конкурента, нежели союзника.

Исходя из рассмотренных выше соображений, администрация Трампа практически сразу после прихода к власти дала понять Украине и Европе, что с политикой Байдена покончено, что Вашингтон больше не будет поддерживать Киев ради ослабления России, но, напротив, будет принуждать обе стороны к прекращению

боевых действий. Наиболее ярко этот новый подход был продемонстрирован в феврале 2025 г., в ходе встречи Трампа и Зеленского в Белом доме, закончившейся скандалом и выдворением украинского лидера из резиденции президента США [Trump offended ... , 2025]. Кроме того, администрация Трампа временно заморозила предоставление Киеву военной помощи и разведданных, что продемонстрировало всю ненадежность положения ВСУ и степень их зависимости от внешней, в том числе американской помощи.

Результатом этих действий стало вынужденное принятие Киевом и его европейскими покровителями требования США о необходимости немедленного прекращения огня по фактической линии фронта. Также под давлением США Украина согласилась на прямой диалог с Россией по вопросам мирного урегулирования: состоялись три встречи в Стамбуле. Правда, Киев при поддержке Европы сделал все, чтобы список обсуждавшихся там вопросов не выходил за рамки гуманитарной проблематики, а затем и вовсе отказался использовать данный формат. Одновременно Украина в еще большей степени сблизилась с ЕС. Последний стал главным спонсором Украины, ее главным помощником и посредником в общении с США, и с тех пор официальный Киев начал согласовывать с ЕС практически все свои шаги на внешнеполитической арене, прежде всего – диалог с США и позицию в отношении России и урегулирования конфликта.

Европейские страны, со своей стороны, старались оказывать на Трампа и его администрацию комплексное воздействие, чтобы сохранить американскую поддержку Украины и убедить главу Белого дома в том, что препятствием для мира якобы является не Киев, а Москва. Для этого ЕС согласился на значительные и уничижительные для себя уступки по ряду важных вопросов повестки дня трансатлантических отношений, в частности, заключил с США невыгодное и дискриминационное для себя торговое соглашение, обещал повысить оборонные расходы до 5% от ВВП [The Hague Summit ... , 2025].

Эти шаги возымели определенный эффект: летом 2025 г. США и НАТО договорились, что отныне США будут продавать свои вооружения Европе для последующей передаче ВСУ в приоритетном порядке. Была учреждена координируемая НАТО программа PURL (*англ. Priority Ukraine requirements list*, «Список приоритетных потребностей Украины»), согласно которой Киев должен был передавать НАТО список приоритетных для него

вооружений, а Альянс – передавать этот список США и одновременно искать спонсоров из числа европейцев для осуществления соответствующих закупок [Secretary General welcomes ... , 2025]. На октябрь 2025 г. в данную программу вошли вооружения на 2 млрд долл. Кроме того, во многом именно в результате политического давления со стороны Европы, летом 2025 г. администрация Трампа стала наращивать политico-дипломатическое и психологическое давление на Россию, выражая свое недовольство и разочарование подходом Москвы к урегулированию и угрожая применить более жесткие меры воздействия.

Однако, вопреки надеждам ЕС, Трамп так и не перешел на позиции администрации Байдена. Одновременно с давлением на Россию и попытками принудить ее к перемирию по линии фронта с переносом всех переговоров по урегулированию конфликта «на потом» (с сохранением лидирующей роли европейских стран в этих переговорах) продолжался весьма активный российско-американский диалог, результатом которого стал саммит в Анкоридже (на Аляске) 15 августа 2025 г. – первый с 2021 г. саммит Россия – США и первый с 2010 г. визит президента РФ в США. Главным итогом саммита стали отказ Д. Трампа от идеи добиться скорейшего перемирия с переносом всех дальнейших переговоров по урегулированию «на потом» и его согласие сразу заняться полноценным урегулированием конфликта.

Это важное на тот момент изменение позиции США было связано, главным образом, с пониманием того, что на преждевременное перемирие Россия не пойдет и что единственный способ завершить войну – это добиться именно окончательного урегулирования. Администрация Трампа поняла, что инструментов оказывать на Россию действенное давление у нее немного.

Кроме того, на встрече в Анкоридже, по словам главы МИД РФ С.В. Лаврова, были достигнуты договоренности по условиям урегулирования конфликта, которые США затем должны были обсудить с Украиной и ЕС и желательно получить их согласие.

Однако такого согласия получить не удалось. Руководители большинства стран и институтов ЕС восприняли саммит в Анкоридже как угрозу и сразу начали предпринимать попытки сорвать не только достигнутые на саммите договоренности, но и процесс урегулирования конфликта через российско-американский диалог в целом без их участия. Одним из ключевых сюжетов стала попытка реинтерпретировать договоренности В.В. Путина и Д. Трампа о

гарантиях безопасности для Украины в заведомо неприемлемом для России ключе, к примеру, появились планы размещения на территории Украины европейского военного контингента.

Дипломатические усилия ЕС принесли определенные плоды. Столкнувшись с категорическим отказом европейцев принимать договоренности Анкориджа, Вашингтон, хотя и не принял все требования ЕС, не стал оказывать на европейцев соответствующее давление и требовать, чтобы они пересмотрели свою позицию.

В результате в сентябре-октябре 2025 г. в переговорном процессе снова возникла пауза, и администрация Трампа решила оказывать давление одновременно на обе стороны конфликта – и на Россию, и на Украину, пытаясь тем самым сблизить их позиции, чтобы можно было достичь прекращения огня.

Прежде всего, как сообщали некоторые СМИ, Вашингтон стал предоставлять Киеву более точную развединформацию для ударов по российским энергетическим объектам, усилил давление на крупнейших импортеров российской нефти, а также заявил, что готов предпринять более жесткие экономические меры против Москвы в случае, если ЕС полностью откажется от импорта российских нефти и газа. Также в информационное поле были запущены сообщения о том, что США могут передать Киеву крылатые ракеты средней дальности «Томагавк» [Sabbagh, 2025], применение которых, по мнению Вашингтона, могло бы нанести еще больший ущерб энергетическим объектам внутри России. Однако при этом администрация Трампа воздерживалась от того, чтобы предпринять на практике такие шаги, которые сделали бы дальнейший диалог с Россией невозможным.

16 ноября 2025 г., накануне очередного визита В. Зеленского в Белый дом, состоялся длительный телефонный разговор В.В. Путина и Д. Трампа, по итогам которого американский президент объявил, что не будет передавать Киеву «Томагавки» [Sauer, 2025] и анонсировал проведение саммита в Будапеште в ближайшие недели. С учетом позиции Венгрии по украинскому конфликту выбор места проведения саммита (равно как и сам факт проведения очередного саммита России и США по украинскому конфликту без участия европейцев) был особенно унизительным для ЕС.

В ходе встречи с В. Зеленским в Белом доме 17 ноября Д. Трамп и члены его администрации (прежде всего, С. Уиткофф) оказывали на В. Зеленского большое давление, принуждая пойти на территориальные уступки России и, в частности, вывести войска

из Донбасса в качестве условия для прекращения огня [Francis, Belton, Stern, 2025]. Однако, как и прежде, Украина отказалась выполнять это требование.

Уже через пару дней после этого правительство Великобритании опубликовало совместную позицию Украины, главы Европейской комиссии и нескольких европейских стран о том, что никакие территориальные уступки с украинской стороны недопустимы и прекращение огня должно происходить по текущей линии фронта. В то же время Украина не получила от США ни «Томагавков», ни обязательств по другим запрашиваемым ей вооружениям.

Столкнувшись с жесткой позицией Европы и Украины о недопустимости вывода ВСУ из Донбасса, администрация Трампа вернулась к той позиции, которую занимала до саммита на Аляске, – о необходимости скорейшего перемирия по фактической линии фронта и откладывании всех переговоров об урегулировании конфликта «на потом». Причем изменение позиции Вашингтона сопровождалось новым раундом усиления давления на Россию: Д. Трамп объявил об «отмене» саммита в Будапеште, и США ввели санкции против крупнейших российских нефтяных компаний «Роснефть» и «Лукойл» – первые новые антироссийские санкции с начала второго президентства Д. Трампа [Treasury sanctions ... , 2025].

Перспективы политики США в отношении Европы: риски и возможности для России

Ряд политиков в администрации Д. Трампа понимают, что Россия не пойдет на прекращение огня без четких договоренностей об окончательном урегулировании конфликта, поэтому цель подобных шагов, видимо, в том, чтобы добиться от России уступок по условиям окончательного урегулирования: например, чтобы Москва сняла требование о демилитаризации послевоенной Украины, а также некоторые требования о территориальных уступках. При этом администрация Трампа не предпринимает шагов, которые сделали бы дальнейшее взаимодействие Москвы и Вашингтона невозможным (например, не предоставляет Украине «Томагавки»).

Вероятность того, что Россия пойдет на подобные уступки, крайне мала. В то же время вероятность того, что Европа, определяющая сегодня позицию Киева, согласится с российскими условиями урегулирования, тоже мала. Однако Д. Трамп не намерен

оказывать на Европу жесткое давление. Поэтому можно предположить, что тупиковая ситуация в вопросе урегулирования будет сохраняться до тех пор, пока не произойдет обрушение украинского фронта и Киев не начнет терпеть военное поражение. В этом случае Д. Трамп сможет представить принятие Киевом российских условий не как свою « капитуляцию » перед В.В. Путиным, а как « спасение » Украины и тем самым – как свою « победу ». Вместе с тем обвал украинской обороны может подтолкнуть руководителей ЕС, для которых поражение Украины означает и их собственное поражение, к тому, чтобы спровоцировать эскалацию конфликта, создать риск прямого военного столкновения России и НАТО и заставить США вмешаться в этот большой конфликт на стороне НАТО, поставив мир перед угрозой третьей мировой войны.

В связи с этим следует подчеркнуть, что Россия может управлять этими рисками с помощью следующих инструментов.

Во-первых, Россия может интенсифицировать свою политику ядерного сдерживания. Определенные шаги в этом направлении уже предприняты. Осенью 2024 г. российское военно-политическое руководство модифицировало ядерную доктрину («Основы государственной политики Российской Федерации в области ядерного сдерживания»). Главными новшествами измененного документа стали распространение ядерных гарантит на Белоруссию, а также уточнение, что агрессия против РФ со стороны неядерного государства при поддержке ядерного государства будет рассматриваться как «совместное нападение». Спустя два дня после утверждения новой доктрины Россия применила баллистическую ракету средней дальности типа «Орешник», ударив по заводу «Южмаш» в Днепропетровске, что вызвало широкий международный резонанс. Осенью 2025 г. в ходе учений Стратегических ядерных сил Россия провела испытания межконтинентальной крылатой ракеты «Буревестник» с ядерной энергетической установкой. Можно предположить, что эти сигналы достаточно четко считаются военно-политическим руководством западных стран [What we know ... , 2025].

Во-вторых, Россия могла бы усилить риторику о нежелании глобальной войны (что отражает позицию российского руководства и общества) и о стремлении к нормализации отношений с западными странами после окончания украинского конфликта. Одним из аспектов данной риторики может стать оказание поддержки западным политикам правого спектра.

В-третьих, необходимо убеждать администрацию Д. Трампа в том, что допускать и тем более поощрять эскалацию со стороны европейцев – не в ее интересах, поскольку чревато полным обрушением той внешнеполитической стратегии, которую наметил для себя Вашингтон (концентрация сил на других направлениях), и прежде всего – проигрышем в соперничестве с Китаем.

Стоит отметить, что администрация президента США в какие-то моменты выступает с мирными и вполне рациональными предложениями. Например, обсуждая возможность предоставить Германии шестимесячный срок для урегулирования неопределенного статуса немецких активов российской нефтяной компании «Роснефть» (что позволит временно освободить их от действия американских санкций), Вашингтон заявил, что готов предоставить ограниченную и невозобновляемую лицензию для компании «Rosneft Deutschland» [Leonard, Sorge , 2025].

Литература / References

Братерский М.В. (2025). Экономические перспективы Евро-атлантического сообщества в период глобальной политической перестройки // Актуальные проблемы Европы / РАН, ИНИОН. – Москва. – № 2. – С. 22–42 [Bratersky M.V. (2025). Economic prospects for the Euro-Atlantic community in a period of global political restructuring [*Ekonomichekie perspektivi Evro-atlanticheskogo soobshchestva v period global'noi politicheskoi perestroiki*] // Current problems of Europe / RAN, INION. – Moscow. – N 2. – P. 22–42]. (In Russian).

Надточей Ю.И. (2025). «Непознанная Венера» : Европейский союз в современном идеином дискурсе Республиканской партии США // Актуальные проблемы Европы / РАН, ИНИОН. – Москва. – № 2. – С. 66–92 [Nadtochey Yu.I. (2025). «The Unknown Venus»: the European Union in the contemporary discourse of the US Republican party [*Nepoznannaya Venera* : Evropeiskii soyuz v sovremennom ideinom diskurse Respublikanskoi partii SSHA] // Current problems of Europe / RAN, INION. – Moscow. – N 2. – P. 66–92]. (In Russian).

Новик Н.Н., Ройс Д.П., Амурская М.А. (2025). Эволюция политики помощи США в Европе после 2016 г. // Актуальные проблемы Европы / РАН, ИНИОН. – Москва. – № 2. – С. 128–144 [Novik N.N., Royce D.P., Amurskaya M.A. (2025). The evolution of US overseas funding in Europe after 2016 [*Evolutsiya politiki pomoshchi SSHa v Evrope posle 2016 g.*] // Current problems of Europe / RAN, INION. – Moscow. – N 2. – P. 128–144]. (In Russian).

Aloe Ch. (2025). Germany prepares for a second «Zeitenwende» to rebuild the Bundeswehr amid shortages in technology and troops // Baltic sentinel. – Tallinn. – 06.04. – URL: <https://web.archive.org/web/20250407051252/https://balticsentinel.eu/8224888/germany-prepares-for-a-second-zeitenwende-to-rebuild-the-bundeswehr-amid-shortages-in-technology-and-troops> (date of access: 19.12.2025).

Assessing the impact of Trump's America First policy on EU-US trade relations (2017–2021) : a realist and liberal analysis. (2025) / Samad A., Malik M.F., Rooh S., Naz E. // J. of political stability archive. – Rawalpindi. – Vol. 3, Issue 2. – P. 22–40.

Datta S.K. (2025). The future with Trump again // China-US focus. – Hong Kong. – 07.02. – URL: <https://www.chinausfocus.com/foreign-policy/the-future-with-trump-again> (date of access: 19.12.2025).

Defence expenditures and NATO's 5% commitment. (2025) / NATO. – Brussels. – 27.08. – URL: https://web.archive.org/web/20251020112323/https://www.nato.int/cps/en/natohq/topics_49198.htm (date of access: 19.12.2025).

Department of Commerce adds 407 product categories to steel and aluminum tariffs. (2025) / US Department of Commerce, Bureau of Industry and Security. – Washington, D.C. – 19.08. – URL: <https://www.bis.gov/press-release/department-commerce-adds-407-product-categories-steel-aluminum-tariffs> (date of access: 19.12.2025).

European defence stocks tick up after NATO spending pledge. (2025) // Reuters. – London. – 26.06. – URL: <https://www.reuters.com/business/aerospace-defense/european-defence-stocks-tick-up-nato-spending-pledge-2025-06-26/> (date of access: 19.12.2025).

European Union trade summary. (2025) / Office of the United States Trade Representative (USTR). – Washington, D.C. – URL: <https://ustr.gov/countries-regions/europe-middle-east/europe/european-union> (date of access: 19.12.2025).

Francis E., Belton C., Stern D.L. (2025). In tense meeting, Trump told Zelensky to concede land, meet Putin's demands // The Washington Post. – Washington, D.C. – 20.10. – URL: <https://www.washingtonpost.com/world/2025/10/20/zelensky-trump-meeting-europe-russia/> (date of access: 19.12.2025).

Joint statement on a United States–European Union framework on an agreement on reciprocal, fair, and balanced trade. (2025) / European Commission. – Brussels. – 21.08. – URL: https://policy.trade.ec.europa.eu/news/joint-statement-united-states-european-union-framework-agreement-reciprocal-fair-and-balanced-trade-2025-08-21_en (date of access: 19.12.2025).

Leonard J., Sorge P. (2025). US floats six-month deadline for Germany to sort Rosneft issue // Bloomberg. – New York. – 27.10. – URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2025-10-27/us-floats-six-month-deadline-for-germany-to-sort-rosneft-issue> (date of access: 19.12.2025).

Leparmetier A., Charrel M. (2025). Growth : Europe continues to lag behind the US // Le Monde. – Paris. – 01.02. – URL: https://web.archive.org/web/20250301150259/https://www.lemonde.fr/en/economy/article/2025/02/01/growth-europe-continues-to-lag-behind-the-us_6737656_19.html (date of access: 19.12.2025).

Matthijs M., Goodman M.P. (2025). Managing divergence : the transatlantic economic future // Survival. – Abingdon-on-Thames : Taylor & Francis. – Vol. 67, Issue 2. – P. 55–68.

National security strategy of the United States of America. (2025) / The White House. – Washington, D.C. – 33 p. – URL: www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2025/12/2025-National-Security-Strategy.pdf (date of access: 19.12.2025).

Pamuk H. (2025). Exclusive : Trump administration weighs sanctions on officials implementing EU tech law, sources say // Reuters. – London. – 26.08. – URL:

<https://www.reuters.com/world/us/trump-administration-weighs-sanctions-officials-implementing-eu-tech-law-sources-2025-08-26/> (date of access: 19.12.2025).

RAF Lakenheath : US nuclear weapons return to Britain? (2025) / CND UK. – London. – URL: <https://cnduk.org/resources/raf-lakenheath-us-nuclear-weapons-return-to-britain/> (date of access: 19.12.2025).

Ross D. (2025). Here's why the US is no longer the world's only superpower / Washington Institute for Near East Policy. – Washington, D.C. – 04.03. – URL: <https://www.washingtoninstitute.org/policy-analysis/heres-why-us-no-longer-worlds-only-superpower> (date of access: 19.12.2025).

Rubio M. (2025). An America's First foreign policy / US Embassy and Consulates in China. – Washington, D.C. – 03.02. – URL: <https://china.usembassy-china.org.cn/marco-rubio-an-americas-first-foreign-policy/> (date of access: 19.12.2025).

Sabbagh D. (2025). What are Tomahawk missiles and why does Ukraine want them // The Guardian. – London. – 17.10. – URL: <https://www.theguardian.com/world/2025/oct/17/what-are-tomahawk-missiles-and-why-does-ukraine-want-them> (date of access: 19.12.2025).

Sauer P. (2025). Trump downplays hopes he will supply Ukraine with US missiles after meeting with Zelenskyy // The Guardian. – London. – 17.10. – URL: <https://www.theguardian.com/world/2025/oct/17/trump-putin-phone-call-sinks-kyiv-ukraine-hopes-for-us-tomahawk-missiles> (date of access: 19.12.2025).

Secretary General welcomes first package of US equipment for Ukraine funded by the Netherlands under new NATO initiative. (2025) / NATO. – Brussels. – 04.08. – URL: https://web.archive.org/web/20251017085408/https://www.nato.int/cps/en/natohq/news_237128.htm (date of access: 19.12.2025).

Some European officials weigh if they can rely on Fed for dollars under Trump. (2025) / Martinuzzi E., Aguado J., Koranyi B., Spezzati S., O'Donnell J. // Reuters. – London. – 24.03. – URL: <https://www.reuters.com/markets/some-european-officials-weigh-if-they-can-rely-fed-dollars-under-trump-2025-03-22/> (date of access: 19.12.2025).

Starcevic S. (2025). Costa breaks ranks on EU-US trade deal, fires warning shot at Trump. (2025) // Politico Europe. – Brussels. – 01.09. – URL: <https://web.archive.org/web/20250901163830/https://www.politico.eu/article/antonio-costa-eu-us-trade-deal-warning-shots-donald-trump/> (date of access: 19.12.2025).

Sullivan L.J. (1985). A new approach to burden sharing // Foreign policy. – Washington, D.C. – № 60. – C. 91–110.

The Hague Summit declaration. (2025) / NATO. – Brussels. – 25.06. – URL: https://web.archive.org/web/20250625125238/https://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_236705.htm (date of access: 19.12.2025).

Thompson D. (2024). The future of the US-China relationship // Jerusalem strategic tribune. – Washington, D.C. – 16.11. – URL: <https://jstribune.com/thompson-the-future-of-the-us-china-relationship/> (date of access: 19.12.2025).

Treasury sanctions major Russian oil companies, calls on Moscow to immediately agree to ceasefire. (2025) / US Department of the Treasury. – Washington, D.C. – 22.10. – URL: <https://home.treasury.gov/news/press-releases/sb0290> (date of access: 19.12.2025).

Trump offended by Zelenskyy not wearing a suit in White House. (2025) // Sky News. – London. – 01.03. – URL: <https://news.sky.com/story/trump-offended-by-zelenskyy-not-wearing-a-suit-in-white-house-13319114> (date of access: 19.12.2025).

US strategic framework for the Indo-Pacific. (2021) / The White House. – Washington, D.C. – 10 p. – URL: <https://trumpwhitehouse.archives.gov/wp-content/uploads/2021/01/IPS-Final-Declass.pdf> (date of access: 19.12.2025).

What we know about Putin's nuclear Burevestnik missile with «unlimited range». (2025) // The Independent. – London. – 28.10. – URL: <https://www.independent.co.uk/news/world/europe/russia-burevestnik-nuclear-cruise-missile-test-putin-b2853445.html> (date of access: 19.12.2025).

DOI: 10.31249/ape/2026.01.10

© Lebedev S.V.¹, © Novik N.N.², © Suslov D.V.³

***US policy towards Europe
under the second administration
of Donald Trump***

Abstract. The article examines the economic logic of US President Donald Trump's foreign policy and its impact on the transformation of transatlantic relations, the collective security system, and Russia's strategic positioning in the context of the redefinition of US global priorities. The authors proceed from the hypothesis that D. Trump's foreign policy course does not represent a deviation from traditional American strategy, but rather an institutionalized form of «economic realism», within which international institutions and alliance commitments are subordinated to national interests and pragmatic redistribution of costs.

Based on an analysis of political documents, D. Trump's public statements and practical decisions from 2017 to 2025, the study identifies several key elements of this approach: an anti-Chinese agenda as a system-forming factor of US foreign policy; a demand for the greater financial participation of NATO allies in supporting the bloc's activities; selective

¹ **Lebedev Sergey Vladimirovich** – PhD in Political Sciences, Researcher, Institute of World Military Economics and Strategy, Faculty of World Economy and International Affairs, HSE University.

² **Novik Nikolay Nikolaevich** – PhD in Economics, Associate Professor, Faculty of World Economy and International Affairs, HSE University; Associate Professor, International Business Department, Financial University (nikolay.n.n@yandex.ru).

³ **Suslov Dmitry Vyacheslavovich** – Deputy Director, Centre for Comprehensive European and International Studies (CCEIS), Faculty of World Economy and International Affairs, HSE University.

support for Ukraine; and the use of tariff, sanctions, and regulatory instruments to achieve geoeconomic objectives.

It is noted that such a policy contributes to the erosion of the classical «liberal world order» and to the emergence of a new multipolar system based on global competition, where financial and economic pressure becomes a key foreign policy instrument of influence.

The article concludes by showing that the new configuration of transatlantic relations opens up new opportunities for Russia, but also entails risks that require a reassessment of strategic priorities. A conceptual framework of «adaptive deterrence» is proposed, including strengthening nuclear potential, diplomatic rhetoric of de-escalation, and engagement with divisions among Western political elites.

The study integrates the methodological approaches of neorealism and political economy, drawing on empirical analysis of international developments and doctrinal sources.

Keywords: Donald Trump, Europe, the United States, US foreign policy, Ukraine, NATO.

Статья поступила в редакцию (Received) 30.10.2025

Доработана после рецензирования (Revised) 04.11.2025

Принята к публикации (Accepted) 06.11.2025